

Лев Толстой

и

Махатма Ганди :

двойной портрет
в интерьере
эпохи

Во времена войн миротворцев не замечают. Сейчас предвоенное или военное время для многих и многих стран. Но даже там, где вроде бы царит мир, в форточку уже заглядывает, нагло скаля зубы, как вор, все сильнее и сильнее возбуждающий себя предчувствием крупной поживы, — новая, изощренно-запретная война.

«Видимость мира делает войну еще опасней», — так в IV веке нашей эры написал римский поэт Клавдий Клавдиан.

В наши дни почти повсюду — лишь видимость мира. А ведь мирная жизнь людей и людских сообществ давно должна была стать не видимостью, которую кое-как сумели «слепить» во второй половине XX века, а непреложным законом и сутью бытия.

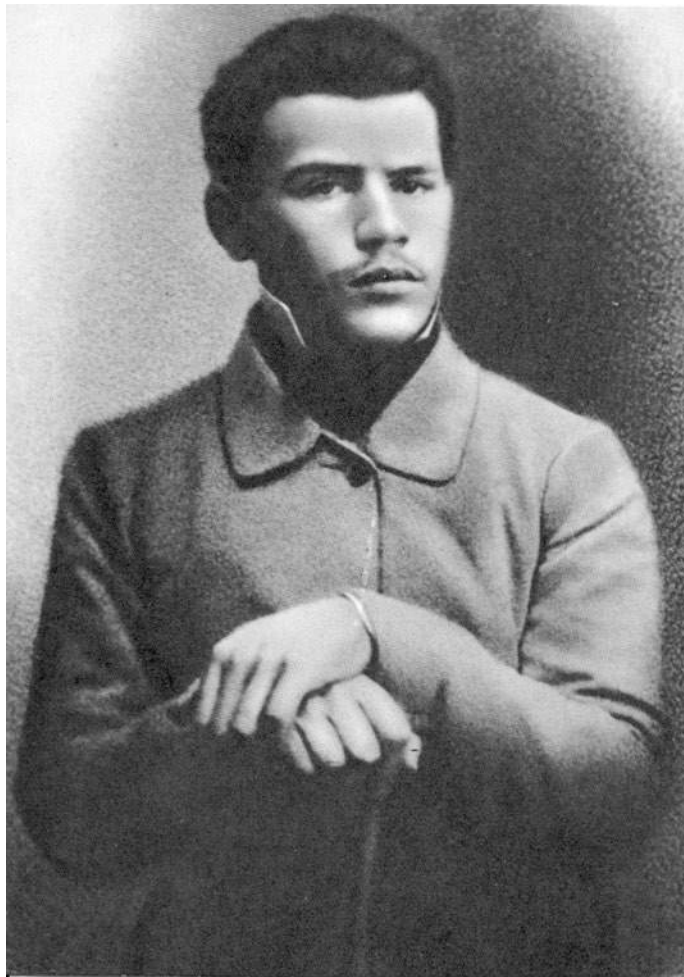
Вот только как такого мира достичь? И можно ли что-то противопоставить войне, кроме самой войны?

Противопоставить войне можно мир в собственной душе, силу духа и силу сдерживания зла. Как силу сдерживания можно проявить? Не поддаваясь на ухищрения воровства и разбоя. Уходя от всех и всяческих «видимостей». Произнося вслух и наскоро записывая то, что вспыхивает глубоко в душе и что гибнет в сознании косвенном, являющемся, по сути, худшим врагом человека и общества.

Нужны новые прозрения, и нужна склонность эти прозрения, являющиеся не чем иным, как **опережающим отражением действительности**, осуществлять в повседневной жизни!

Вот только сможет ли нынешний человек, припавший ко злу, как пьяница к дешевому пойлу, исполнить что-то подобное?

Сто с лишним лет назад Толстой и Ганди такими вопросами не задавались, они черпали мысли из доопыта и сверхопыта, а также умели улавли-

вать главные тенденции мира окружающего. Благодаря этому их тексты, как и жизненные поступки, сейчас более ценны и живы, чем подавляющее большинство действий и текстов наших современников.

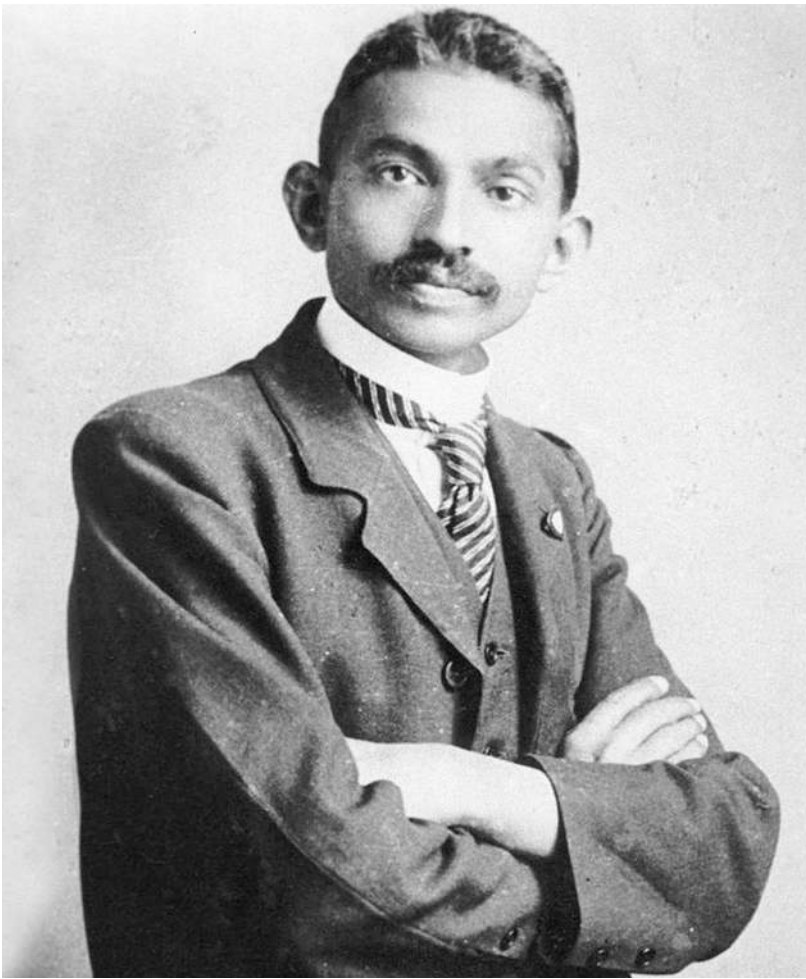
Фильм режиссеров Анны и Галины Евтушенко «Лев Толстой и Махатма Ганди: двойной портрет в интерьере эпохи», снятый на киностудии «Роза», как раз про это и говорит или на подобные мысли наталкивает.

И одна из первых мыслей, «спровоцированных» фильмом, вот какая: и литературный, и кинематографический замысел всегда содержит в себе уже и будущий жанр. Цикл двойных портретов, или, точнее, **параллельно-перекрестных жизнеописаний**, снятых Галиной Евтушенко, в который входят «Лев Толстой и Илья Гинцбург», «Лев Толстой и Дзига Вертов», «Перекресток» и др., — это серьезное обновление жанров документального кино.

При этом к параллельно-перекрестному — реальному и воображаемому — диалогу двух исто-

рических лиц добавляется третий собеседник: XX век. Вот и получается: фильм «Лев Толстой и Махатма Ганди» — уже не фильм-диалог, что иногда случалось в кино и раньше, а **фильм-триалог**. А треугольник, как известно, — фигура неразрушимая...

Интересно и то, что в основе композиции фильма — цепочка микроновелл. Мы видим документальные кадры из жизни Англии тех лет и почти без перерыва — босую и нищую Индию. Видим русские снега, яснополянских лошадей, крестьянских детей, слушающих рассказы о далеком Индостане, и пушки, повсеместно отливаемые на европейских и американских военных заводах. Мы слышим звучание индийского ситара и звуки «Прощальной симфонии» Йозефа Гайдна, причем музыка венского классика весьма символично накладывается на слова и кадры о мировой справедливости. Если вычленить это монтажное звено и перевести музыку и кадры на язык слов, то смысл кино мгновения получится таким: пришел XX век, прощай, справедливость!

Такое сопоставление картин, выстраиваемых через сцепление монтажных звеньев (то есть без туповатых и ненужных связок-пояснений), рождает не надуманно-теоретическую, а вполне практическую **полифонию** голосов и смыслов.

Кстати, давно пора начать правильно употреблять и произносить слово «полифония»: в литературе ударение на последний слог, в музыке — в середине слова. Упоминаю об этом потому, что в литературе и в музыке это слово обозначает разные понятия. И хорошо бы перестать путать музыкальную **одномоментность звучания равноправных голосов** и литературную **последовательность голосов абсолютно разнотемных и неравнозначных!**

Когда после яснополянских картин мы видим оружейные заводы — это прием. Как прием мы его не ощущаем, но от этого прием **«противосложения»** не перестает существовать.

Что такое противосложение в искусстве? Это когда одна тема противопоставляется другой без перерыва, причем как полностью контрастная.

Противосложение ведет к отсутствию ненужных связок, о которых говорил Бабель, ненужных «соединений» и перемычек, которые вырезал из своих фильмов Тарковский.

В нашем случае **противосложение** — это драма внутри самого киноматериала. Такая драма сопоставления материалов и есть основной конфликт, но одновременно и основной притягивающий компонент фильма.

Противосложением, без сомнения, являются и некоторые микророманы этой ленты. Вот слова Толстого из неотправленного письма к Петру Столыпину: *«Пишу Вам о самом жалком человеке... кого я знаю теперь в России. Человек этот — Вы сами».*

Толстой любил людей. И то, что он написал Столыпину, — драма, прежде всего для самого Толстого.

А вот — Павел I, задумавший поход в Индию, за ним атаман Платов, пушки, конница... А вскоре и сама Индия, уже ближе к середине XX века: примечательные кадры, где английские солдаты

бьют и кидают наземь индийских непротивленцев. «Противосложение» этих двух картин наводит на мысль: а не лучше, если бы до Индии дошел тогда Павел?

Вообще же хроникальные кадры в фильме подобраны так, что составляют еще один, вполне самостоятельный смысловой ряд. Кроме того, русские, английские, индийские и южноафриканские эпизоды фильма под завязочку набиты рельефными, буквально выламывающимися из экранной деталями. Такими, к примеру, как индийские коровы и обезьяны (крупный план), или эпизод, где убийца Ганди наклонился, чтобы сдуть пыль с обуви Махатмы, а затем распрямился, чтобы убить его (дальний и средние планы).

Есть в фильме и еще одна палочка-выручалочка. Не будь закадрового голоса, его разнообразных и неповторимых интонаций — все мастерские кинопридумки и цепочки эпизодов могли бы разлететься на куски...

Современное документальное кино — это зримая проза жизни. Несмотря на то, что такое кино почти не использует художественных текстов, оно часто качественней худфильмов с их принудительной фабулистикой и болотной тоской хеппи-эндов.

Однако тут важно помнить: время в прозе и в кино течет неодинаково! Вот и в фильме «Лев Толстой и Махатма Ганди»: аналитическая замедленность прозы и скоропись кинокадров создают новый, беспредельно волнующий культурный контекст. Сперва это контекст тематический. Однако пересечение кино и прозы создает и новый эстетический контекст. Он заключается в том сладком диссонансе, который возникает от соединения звукового и зрительного ряда, от соединения и перекрещивания киноязыка и языка прозы!

Нужно сказать и о другом важном аспекте. Когда Павел I посылал войска в Индию, он не хотел ее завоевывать! Хотел ограничить влияние англичан. Более того. Уже Павел Петрович понимал то, что позже высказал Джавахарлал Неру: «Границы Индии и России проходят в сфере Духа».

Говоря по-иному, Россия и Индия — линии одного глубинного орнамента, выбитого на ска-

лах бытия. И орнамент этот читается как увлекательная новелла об истории русско-индийских отношений.

И в самом деле! Толстой — могучее дерево. Ганди — плод этого дерева. Но ведь дерево выросло из семени, которое когда-то было занесено в Россию именно из Индии! Индия дала зерно мысли, Россия вырастила могучий ствол, питавшийся христианскими корнями. Толстой, учившийся у Востока, позже научил Ганди понимать Россию как «Невосток» и «Незапад»: как Срединное царство духа!..

И все-таки есть что-то неизъяснимое в действиях и в текстах Толстого и Ганди. Ощущение небывалой мощи и высоты, даже их спорных поступков и зафиксированных мыслей (имею в виду «миротворящее» письмо Ганди к Гитлеру или неприятие Толстым некоторых бесспорных достижений искусства) — не оставляет ни на минуту:

Их путь непостижим и светел,
Как в небе лебединый след...

Дхаммапада. Перевод Еремея Парнова

Эти строки как нельзя лучше характеризуют двух братьев по духу, двух принадлежавших к разным религиям и по-разному воспитанных людей. Оба они вошли в Дом вечности, который не является чем-то эфемерным, и теперь все больше и больше ощущается — во многом благодаря данной документальной ленте — чем-то реальным, бесспорно существующим...

Все, о чем здесь сказано, запечатлено или обозначено намеком, — в фильме Анны и Галины Евтушенко (сценарий написали Галина Евтушенко и Виктор Листов, голос за кадром — актер театра «Современник» Сергей Юшкевич).

И последнее. Фильм «Лев Толстой и Махатма Ганди: двойной портрет в интерьере эпохи» рождает не только эмоции, но, что намного важнее, — плодотворные мысли. Такие мысли приводят зрителей фильма к решениям. Решения влекут за собой поступки.

Один из поступков, рожденных фильмом, — эти строки.